

УДК 821.161.1-1  
ББК 84(2Рос=Рус)6-5  
X55

Составители — *Рубанова Наталья, Юрий И. Крылов*

**Хлебников, Велимир Владимирович.**

X55 Спички судьбы / Велимир Хлебников. — Москва :  
Издательство АСТ, 2020. — 256 с. — (Вечная поэзия).

ISBN 978-5-17-119617-2

Велимир Хлебников — русский поэт и прозаик, один из крупнейших деятелей русского и мирового авангарда. Его творчество отличается своеобразным стилем, языковыми экспериментами, поисками новых путей в различных литературных жанрах и формах. Основным предмет его произведений — Россия, ее народ, ее история и природа. В данный сборник вошли стихи и поэмы разных лет.

УДК 821.161.1-1  
84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-119617-2

© ООО «Издательство АСТ», 2020

**I ЧАСТЬ: «ЧУРЕЛЬ! ЧАРЕЛЬ!»**

---



\*\*\*

Люди, когда они любят,  
Делающие длинные взгляды  
И испускающие длинные вздохи.  
Звери, когда они любят,  
Наливающие в глаза муть  
И делающие удила из пены.  
Солнца, когда они любят,  
Закрывающие ночи тканью из земель  
И шествующие с пляской к своему другу.  
Боги, когда они любят,  
Замыкающие в меру трепет вселенной,  
Как Пушкин — жар любви горничной Волконского.

\*\*\*

Мы чаруемся и чураемся.  
Там чаруясь, здесь чураясь.  
То чурахарь, то чарахарь.  
Здесь чуриль, там чариль.  
Из чурыни взор чарыни.  
Есть чуравель, есть чаравель.  
Чарари! Чурари!  
Чурель! Чарель!  
Чареса и чуреса.  
И чурайся, и чаруйся.

\*\*\*

Я славлю лёт его насилий,  
Тех крыл, что в даль меня носили,  
Свод синезначимой свободы,  
Под круги солнечных ободий,  
Туда, под самый-самый верх,  
Где вечно песен белый стерх.

\*\*\*

Вечер. Тени.  
Сени. Лени.  
Мы сидели, вечер пья.  
В каждом глазе — бег оленя,  
В каждом взоре — лёт копыя.  
И когда на закате кипела вселенская ярь,  
Из лавчонки вылетел мальчонка,  
Провожаемый возгласом: «Жарь!»  
И скорее справа, чем правый,  
Я был более слово, чем слева.

\*\*\*

Стенал я, любил я, своей называл  
Ту, чья невинность в сказку вошла,  
Ту, что о мне лишь цвела и жила  
И счастью нас отдала <...>

Но Крысолов верховный «крыса» вскрикнул  
И кинулся, лаем длившись, за «крысой» —  
И вот уже в липах небога,  
И зыбнутся свечи у гроба.

\*\*\*

Бобэоби пелись губы,  
Вээоми пелись взоры,  
Пиээо пелись брови,  
Лиэээй пелся облик,  
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.  
Так на холсте каких-то соответствий  
Вне протяжения жило Лицо.

## ВАМ

Могилы вольности — Каргебиль и Гуниб  
Были соразделителями со мной единых зрелищ,  
И, за столом присутствуя, они б  
Мне не воскликнули б: «Что, что, товарищ, мелешь?»  
Боец, боровшийся, не поборов чуму,  
Пал около дороги круторогий бык,  
Чтобы невопрошающих — к чему?  
Узнать дух с радостью владык.  
Когда наших коней то бег, то рысь вспугнули их,  
Чару рассеянно-гордых орлов,

Ветер, неосязуемый для нас и тих,  
Вздыхал их царственно на гордый лов.  
Вселенной повинуюся указу,  
Вздыхался гор ряд долгий.  
И путешествовал по Кавказу,  
И думал о далекой Волге.  
Конь, закинув резво шею,  
Скакал по легкой складке бездны.  
С ужасом, в борьбе невольной хорошея,  
Я думал, что заниматься числами над бездною полезно.  
Невольно числа и слагал,  
Как бы возвратясь ко дням творенья,  
И вычислил, когда последний галл  
Умрет, не получив удовлетворенья.  
Далёко в пропасти шумит река,  
К ней бело-красные просыпались мелá,  
Я думал о природе, что дика  
И страшной прелестью мила.  
Я думал о России, которая сменой тундр, тайги, степей  
Похожа на один божественно звучащий стих,  
И в это время воздух освободился от цепей  
И смолк, погас и стих.  
И вдруг на веселой площадке,  
Которая, на городскую торговку цветами похожа,  
Зная, как городские люди к цветцу падки,  
Весело предлагала цвет свой прохожим, —  
Увидел я камень, камню подобный, под коим пророк  
Похоронен; скошен он над плитой и увенчан чалмой.

И мощи старинной раковины, изогнуты в козлиный рог,  
На камне выступали; казалось, образ бога камень  
увенчал мой.

Среди гольцов, на одинокой поляне,  
Где дикий жертвенник дикому богу готов,  
Я как бы присутствовал на моляне  
Священному камню священных цветов.  
Свершался предо мной таинственный обряд.  
Склоняли голову цветы,  
Закат был пламенем объят,  
С раздумьем вечером свиты...  
Какой, какой тысячекост,  
Грознокрылат, полуморской,  
Над морем островом подьмлет хвост,  
Полунеземной объят тоской?  
Тогда живая и быстроглазая ракушка была его свидетель,  
Ныне – уже умерший, но, как и раньше, зоркий камень,  
Цветы обступили его, как учителя дети,  
Его – взиравшего веками.  
И ныне он, как с новгородичами, беседует о водяном  
И, как Садко, берет на руки ветхогусли –  
Теперь, когда Кавказом, моря ощеренным дном,  
В нем жизни сны давно потускли.  
Так, среди «Записки кушетки» и «Нежный Иосиф»,  
«Подвиги Александром» ваяете чудесными руками –  
Как среди цветов колосьев  
С рогом чудесным виден камень.



То было более чем случай:  
Цветы молилися, казалось, пред времен давно  
прошедших слом

О доле нежной, о доле лучшей:  
Луга топтались их ослом.  
Здесь лег войною меч Искандров,  
Здесь юноша загнал народы в медь,  
Здесь истребил победителя леса ндрав  
И уловил народы в сеть.

\*\*\*

Там, где жили свиристели,  
Где качались тихо ели,  
Пролетели, улетели  
Стая легких времирей.  
Где шумели тихо ели,  
Где поюны крик пропели,  
Пролетели, улетели  
Стая легких времирей.  
В беспорядке диком теней,  
Где, как морок старых дней,  
Закружились, зазвенели  
Стая легких времирей.  
Стая легких времирей!  
Ты поюнна и вабна,  
Душу ты пьянишь, как струны,  
В сердце входишь, как волна!  
Ну же, звонкие поюны,  
Славу легких времирей!

\*\*\*

И я свирел в свою свирель,  
И мир хотел в свою хотелю.  
Мне послушные свивались звезды в плавный кружеток.  
И свирел в свою свирель, выполняя мира рок.

\*\*\*

Огнивом-сечивом высек я мир,  
И зыбку-улыбку к устам я поднес,  
И куревом-маревом дол озарил,  
И сладкую дымность о бывшем вознес.

\*\*\*

Мне спойте про девушек чистых,  
Сих спорщиц с черемухой-деревом,  
Про юношей стройно-плечистых:  
Есть среди вас они — знаю и верю вам.

\*\*\*

Мизинич, миг,  
Скользнув средь двух часов,  
Мне создал поцелуйный лик,  
И крик страстей, и звон оков.  
Его, лаская, отпустил,  
О нем я память сохранил,  
О мальчишке кудрявом.

И в час работ,  
И в час забавы  
О нем я нежно вспоминаю  
И, ласкою отменной провожая,  
Зову, прошу:  
«Будь гостем дорогим!»

\*\*\*

Кому сказатеньки,  
Как важно жила барынька?  
Нет, не важная барыня,  
А, так сказать, лягушечка:  
Толста, низка и в сарафане,  
И дружбу вела большевитую  
С сосновыми князьями.  
И зеркальные топила  
Обозначили следы,  
Где она весной ступила,  
Дева ветреной воды.

\*\*\*

Крылышкуя золотиписьмом  
Тончайших жил,  
Кузнечик в кузов пуза уложил  
Прибрежных много трав и вер.

«Пинь, пинь, пинь!» — тарарахнул зинзивер.  
О, лебедиво!  
О, озари!

\*\*\*

Чудовище — жилец вершин  
С ужасным задом —  
Схватило несшую кувшин  
С прелестным взглядом.  
Она качалась, точно плод,  
В ветвях косматых рук.  
Чудовище, урод,  
Довольно, тешит свой досуг.

## ОПЫТ ЖЕМАННОГО

Я нахожу, что очаровательная погода,  
И я прошу милую ручку  
Изящно переставить ударение,  
Чтобы было так: смерть с кузовком идет по годá.  
Вон там на дорожке белый встал и стоит виденнега!  
Вечер ли? Дерево ль? Прихоть моя?  
Ах, позвольте мне это слово в виде неги!  
К нему я подхожу с шагом изящным и отменным.